

© 2003 г. Е. С. ОТИН

**КОННОТАТИВНЫЕ ОНИМЫ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ
В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ
СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА***

*Светлой памяти
Олега Николаевича Трубачева
посвящая*

Памятники письменности, произведения словесного творчества и бесчисленные акты речевой коммуникации нового времени демонстрируют нарастающую тенденцию вовлечения собственных имен (СИ) в процессы вторичной номинации [Отин 1986а 186–191]. Под влиянием различных экстралингвальных и собственно языковых факторов они приобретают добавочные значения (созначения), или референтные коннотации, имеющие смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты. Референтные коннотации "накапливаются" в онимах благодаря более или менее регулярной востребованности в разных речевых ситуациях какой-то части их энциклопедической информации о денотатах и благодаря их многократному выражению в разных видах речи. Таким образом возникло значительное количество семантически обогащенных СИ. В основе их созначений лежат фрагменты связанной с ними энциклопедической информации. Это сближает их с именами нарицательными, и они приобретают способность при определенных условиях пережить полную деонимизацию – стать отконнотонимными апеллятивами [Суперанская 1970 12]. Такими условиями могут быть, например, то, что информация о денотате со временем перестает быть общеизвестной и даже утрачивается, а это приводит к забвению причины переносного употребления СИ – деэтиологизации коннотативных онимов (ср. *акулина* 'простая, необразованная, глупая женщина', *алешка* 'лакей' (XIX в.), *амур* 'отдаленное место', 'покой в природе, душе', *ванька* 'дешевый извозчик', *гамаюн* 'человек с завораживающей напевной речью', *оклитиян* 'злой человек', 'скупердяй', *тмутаракань/Тмутаракань* 'глухая провинция, медвежий угол' и др.), выход из общеизвестной проприальной лексики каких-то онимов и связанных с ними деривативных имен, омонимичных с образовавшимися от них коннотонимами (*аника* 'хвостун-неудачник', *охреян* 'лентяй, неотесанный,

* В течение последних десяти лет автор статьи сотрудничал с О. Н. Трубачевым по линии подготовки и публикации материалов к "Русской энциклопедии", концепцию которой разработал Олег Николаевич в качестве руководителя секции русской ономастики ИРЯ. Предварительные итоги нашей деятельности в этой области нашли отражение в словаре "Русская ономастика и ономастика России", редактором которого был академик О. Н. Трубачев. Книга была издана в 1994 г. в Москве. Некоторые вопросы, рассмотренные в данной статье, обсуждались с О. Н. Трубачевым, особенно тогда, когда он возглавил грандиозный академический проект "Русская энциклопедия", которому при его жизни, к сожалению, не суждено было осуществиться. Остается надеяться, что это произойдет в будущем, в более благоприятное для российской науки время. Только найдется ли ученый и патриот такого масштаба, как академик О. Н. Трубачев, который продолжит и завершит начатое им дело?

грубый, мужиковатый увалень' [Даль 1935. II: 802; с пометой "пермское и вятское"], *вавилон* 'извилина, зигзаг', *олух*), и другие причины. Семантическому обогащению СИ и превращению их в коннотонимы способствуют также идеофонические особенности некоторых из них (в этом плане можно указать на референтные коннотации пейоративного плана у ряда натурализовавшихся в русском ономастике СИ со звуком *ф* и его субститутами: *Филя*, *Фекла*, *Фома*, *Фофан*, *Агафон*, *Пентюх*, *Ахреян*, ст.-русск. *Олух*, *Опрем* и др.), на паронимическую аттракцию с другими апеллятивами и онимами (*Емеля* 'болтун': *языком мелет*; *Т(ь)мутаракань/т(ь)мутаракань*: сближение с апеллятивами *тьма* и *тараканы*), на контекстно обусловленную семантизацию "чистых" СИ, часто присутствующих в паремиях в качестве условного компонента их лексического состава (*дело плохо: стал указчиком Аноха*; *Вакул всех надул* и под.).

Коннотативные собственные имена занимают срединное положение между абсолютными ("чистыми") онимами и апеллятивами, поэтому их можно обозначить термином *мезолексы* (греч. *μέσος* 'промежуточный'). В перипетиях своей семантической жизни такие мезолексы могут либо долгое время оставаться коннотативными собственными именами с устойчивой или переменчивой смысловой структурой, либо утрачивать свои референтные коннотации, возвращаясь в лоно абсолютных СИ, либо превращаться в отконнотонимные апеллятивы с отсутствующей мотивацией. Именно последние из них в первую очередь заслуживают быть включенными в этимологические и историко-этимологические словари русского языка. Промежуточное значение (референтная коннотация) таких мезолекс – как правило, коннотативных антропонимов – "наглядно" проявляется в онимных каламбурах, где они противостоят онимам с денотативным содержанием. В скрытой смысловой игре могут участвовать, например, такие коннотативные онимы, как *Акулина* 'неаккуратная, не вызывающая к себе уважения женщина', *Вавила* 'медлительный, нерасторопный человек', *Иван* 'простак, деревенщина', *Пушкин* 'кто-то другой, неизвестно кто' и др. Ср.: *Мне захотелось выпустить птиц, я стал снимать клетки – вбежала бабушка, хлопая себя по бокам, и бросилась к печи, ругаясь. – А, окаянные, раздуй вас горой! Ах ты, дура старая, Акулина...* (М. Горький. *Детство*; в печи у бабушки Акулины Ивановны засох пирог); *Афоня видит и орла в выси, мечтает о жар-птице, за хребтами. Но главная дума там, в Беловодье, по ту сторону белков. – Степан! А где же белые-то хребты? Со снегом-то? Ой, сбились мы с тобой. Степан только улыбнулся. – Настоящий ты Афоня* (В.Я. Шишков. *Алые сугробы*); – *...Копайшь, парень! – сказал он, обернувшись к спутнику. – Ты бы поживей! – Твоей дуги нету! – сказал парень. – Не видать. – Прямой ты Вавила!* (А. Чехов. В овраге; последняя реплика относится к лицу с именем *Вавила*); *Николай канителит, Иван по-прежнему настоящий Иван* (из письма А.П. Чехова к Ал.П. Чехову от 4 янв. 1886 г.); *Дуэль. Дантес медлит... Секундант: – Ну! Кто за тебя стрелять-то будет? Пушкин, что ли?!* (современный анекдот). Промежуточное значение некоторых из вышеприведенных мезолекс (*Акулина*, *Вавила*) может иметь продолжение в следующем звене семантического развития – прямом лексическом значении отконнотонимных апеллятивов. Это – бранные слова *акулина* 'растяпа' (может относиться и к мужчине) и *вавила/вавило* 'неопрятный человек', 'рослый нескладный парень': *Идут они по деревне, вавилы, волосья дбугиё* [СВГ 1985: 54]; *Ты настоящий вавило* [ЯОС 1982: 44]. Коннотативные онимы с развившимися созначениями, вероятно, являются одной из ономастических универсалий, присущей лексике большинства языков. Тем не менее этот пласт их словарного состава очень неполно представлен в существующих словарях. Еще в 1783 г. Д.И. Фонвизиным было высказано убеждение (в письме к О.П. Козодавлеву) в том, что в общих словарях должны быть представлены коннотативные онимы: "Имена: *Филя*, *Федора*, конечно, в словарь наш внесены быть должны, но не как имена собственные, а как имена, употребляющиеся в метафорическом смысле" [Фонвизин 1959. I: 254]. Полтора столетия спустя об этом был вынужден написать Л.В. Щерба: «Дело хорошего общего словаря – определить

вторые, "нарицательные" значения собственных имен, и надо сказать, что дело это очень деликатное» [Щерба 1974: 279]. Однако и в современных толковых словарях русского языка собственные имена с референтными коннотациями (коннотонимы) весьма немногочисленны: как правило, это уже утратившие свою способность "быть СИ" отконнотонимные апеллятивы. Коннотативные они должны обрести свой лексикографический статус. Одной из актуальных задач ономастической лексикографии остается составление толкового словаря коннотативных СИ на материале всего русского языка в широком стилистическом и пространственно-временном диапазонах. Нами разработаны принципы такого словаря [Отин 1986б; 1988] и уже опубликованы многие его статьи [перечень публикаций см.: ВулС 2002.8: 206–208]. В полном виде словарь будет представлять коннотонимию русского языка в разные периоды его истории, особенно в период от XIX – до начала XXI в. Его материал достаточен для классификации коннотативных онимов (КО). Их типология определяется наличием у них ряда признаков, среди которых особенно релевантны: 1) общность, "естественность" и непривычность, исключительность; 2) широта распространения: в ряде языков или только в одном русском; 3) их семантический состав и организация их смысловой структуры; 4) степень "продвинутой" КО в сторону апеллятивов, ослабления способности оставаться собственными именами; при этом важен размер дистанции между состояниями "коннотативный оним" (= мезолекса) и "отконнотонимный апеллятив"; 5) репродуктивные возможности КО (участие или неучастие в процессах отконнотонимной деривации и трансонимизации) и некоторые другие.

По первому классификационному признаку все КО делятся на узуальные и окказиональные. По широте распространения в языках узуальные КО составляют два больших разряда: интралингвальные, т. е. бытующие в одном языке (иногда область их употребления расширяется за счет выхода в коннотонимию сопредельного близкородственного языка с общими историко-культурными традициями), и интерлингвальные. Последние обычны не только в двух или более языках, но нередко и в контактирующих культурных языках обширного географического пространства. В зависимости от референтной основы это могут быть: узуальные коннотативные антропонимы, например: *Август* 'просвещенный монарх', *Зоил* 'придирчивый литературный критик', *Клеопатра* 'соблазнительница', *Цицерон* 'выдающийся оратор' и др.; узуальные коннотативные топонимы: *Ниагара* 'огромный поток воды', 'большое количество чего-то', *Мекка* 'место поклонения', *Монблан* 'гора, нагромождение чего-то'; узуальные коннотативные зоонимы: *Буцфал* 'сильная крупная лошадь'; узуальные коннотативные литературные антропонимы: *Монтекки* и *Капулетти* 'непримиримые враги', *Робинзон* 'одинокий житель на острове; отшельник', *Фигаро* 'слуга', 'парикмахер', *Отелло* 'ревнивец', *Ромео* 'возлюбленный' и др.; узуальные коннотативные литературные топонимы: *Аркадия* 'страна счастья', 'беззаботная жизнь'; узуальные коннотативные мифо-антропонимы: *Автомедон* 'извозчик, кучер', *Амфитрион* 'хлебосольный хозяин', *Лилит* 'коварная искусительница', *Мафусаил* 'долгожитель' и др.; узуальные коннотативные мифотопонимы: *Атлантίδα* 'ухаживший или уже исчезнувший мир', 'процветающая цивилизация', *Эдем* 'цветущий сад', 'земной рай'; узуальные коннотативные мифохронимы: *Армагеддон* 'крах, катастрофа'; узуальные коннотативные хремотонимы: *Аполлон Бельведерский* 'красивый, физически совершенный юноша'; узуальные коннотативные хрононимы: *Варфоломеевская ночь* 'резня', *Ватерлоо* 'поражение', *Уотергейт* 'политический скандал' и др.

Еще более разнообразны интралингвальные КО. Среди них: узуальные коннотативные антропонимы а) с широким диапазоном известности и употребления – *Иван* 'простой русский человек', *Марь Иванна* 'школьная учительница', *Пушкин* 'неопределенно кто'; б) антропонимы, употребление которых террито-

риально ограничено, – коннотационные диалектизмы: *Акуля* ‘неумелая женщина’, ‘нерасторопный человек’, *Евпол* ‘человек, который важничает’, ‘задира’, *Иван* ‘хозяин’, ‘самостоятельный человек, уважаемый всеми’, *Петруха* ‘разгильдяй’, *Солоха* ‘неряха’ и др.; в) антропонимы, сфера употребления которых – арг, жаргон: *Жорик* ‘блатной парень’, *Федя* ‘глупец’, *Шапиро* ‘адвокат’, *Иван Иванович* ‘политзаключенный из интеллигентов’, *Фан Фаныч* ‘политзаключенный’, ‘важный, представительный человек’; к ним близки антропонимы, сознания которых чаще реализуются в ивонациональной (не русской) среде, но хорошо известны и русским: *Наташа* ‘русскоязычная проститутка, путана’ в Турции и на Кипре; узуальные коннотативные артионимы: *Последний день Помпеи* ‘хаос, сумятица, переполох’; узуальные коннотативные библионимы: ‘*Алые паруса*’ ‘романтика’, ‘*Гренада*’ ‘революционная романтика’, ‘*Чайка*’ ‘вершина творческих достижений’, ‘творческая удача’, ‘*Вишневый сад*’ – то же; узуальные коннотативные зоонимы: как широко употребительные (*Барбос* ‘дворянга’, *Шарик* ‘непородистая собака’, *Лиса Патрикеевна* ‘хитрый, ластивый человек’ и др.), так и с ограниченной сферой употребления – в арг, жаргоне: *Бобик* ‘человек на побегушках’, ‘рядовой милиционер’, *Трезор* ‘служебно-розыскная собака’; узуальные коннотативные литературные антропонимы: как с широкой сферой употребления (*Золушка* ‘простушка’, ‘скромный, незаметный человек’, *Левша* ‘мастер на все руки’, *Кабаниха* ‘женщина-самодур’, *поручик Киж* ‘что-то реально не существующее, но влияющее на ход событий’, *Остан* ‘нечистый на руку делец’ и др.), так и антропонимы, употребление которых ограничено сферой арг, жаргона (*Теркин* ‘разговорчивый человек’, *Карлсон* ‘несчастный, забытый, невзрачный человек’, *Тарзан* ‘обросший грязью человек’); узуальные коннотативные литературные зоонимы (*Капитанка* ‘непородистая собака’); узуальные коннотативные литературные топонимы (*Васюки* ‘захолустный городишко с непомерными амбициями’); узуальные коннотативные мифоантропонимы: как широкоизвестные (*Илья Муромец* ‘богатырь’, *Нестор* ‘летописец’), так и коннотативные мифоантропонимы с территориально ограниченным употреблением (*Аред* ‘дряхлый старик’, ‘злой старик’, ‘скряга’, ‘жадный до работы человек’; *Каяф* ‘нехороший человек’ – только в говоре старообрядцев-липован города Вилково Одесской области: от имени библейского первосвященника Каяфы, судившего Христа). Сюда же относятся употребительные лишь в арг, жаргоне мифоантропонимы (*Асмодей* ‘хулиган’, ‘конвоир’); узуальные коннотативные мифозоонимы (*Полкан* ‘богатырь’, ‘волокига, бабник’, коннотативный мифозооним с территориально ограниченным употреблением *Гамаюн* ‘сладкоречивый человек’); узуальные коннотативные топонимы: как распространенные (*Камчатка* ‘задние ряды, парты’, *Тмутаракань* ‘глушь, захолустье’, *Урюпинск* ‘захолустный провинциальный городок’, *Чухлома* ‘глухая провинция’), так и коннотативные топонимы с территориально ограниченным употреблением [*Амур* ‘покой, тишина (в природе)’, Алтай ‘удобное для проживания место’, *Хацапетовка* ‘захолустное селение’] и коннотативные топонимы, связанные с жаргоном, арг (*Аляска* ‘далекое, глухое место’, *Нарын* ‘солнце, лето’, *Душанбе* ‘жара’, *Индия* ‘штрафной батальон, штрафная камера, изолятор’, *Хохлома* ‘ерунда, чушь’ и др.); узуальные коннотативные планетонимы: *Марс* ‘отдаленное место, селение’; узуальные коннотативные эргонимы (*Запорожская сечь* ‘вольница’, *Магнитка* = *Магнитострой* ‘романтическая мечта’); узуальные коннотативные хронимы (*Болдинская осень* = *Болдино* ‘период творческого подъема’, *Ходынка* ‘столпотворение, давка, беспорядок’, *Пугачевщина* ‘крестьянский бунт’, *Цусима* ‘поражение’, ‘катастрофа’).

Типология окказиональных коннотативных онимов намного беднее, чем узуальных, так как определяется лишь единственным классификационным признаком – их референтной основой. Нами зафиксированы: окказиональные коннотативные антропонимы [*Иван Гаврилыч* ‘благонамеренный обыватель’, *На-*

денька 'мещанка' (А. Чехов), *Менделеев* 'искусный изготовитель различных смесей, напитков', 'химик' (М. Горький), *Тиль Уленшпигель* 'меткий стрелок'. А. Синявский (Абрам Терц)]; окказиональный коннотативный библионим: *Нравы Растеряевой улицы* 'дикая глушь, бескультурие' (В. Розанов); окказиональный коннотативный мифоантропоним: *Медуза* 'безжалостная женщина' (В. Крыжановская); окказиональные коннотативные топонимы [*Лапландия* 'сырая, холодная погода' (А. Грибоедов), *Полинезия* 'глушь' (И. Бабель), *Персия* 'блаженство' (А. Солженицын)]; окказиональный коннотативный мифотопоним: *Армагеддон* 'соревнование, азартная игра' (И. Кручик); окказиональный коннотативный эргоним *Тэжэ* 'галантность, вежливость' (Б. Пильняк); окказиональный коннотативный хрематоном *Царь-пушка* 'нечто грандиозное, масштабное'.

В зависимости от семантического объема и характера составляющих смысловой структуры коннотативные онимы бывают моно- и поликоннотемные. К моноконнотемным онимам относятся, например, такие собственные имена, как *Алтай* 'богатое во всех отношениях место' [Элиасов 1980: 53], *Амфитрион* 'гостеприимный хозяин', *Аника* 'хвастун-неудачник', *Антошка* 'запевала' (в жаргоне военных конца XIX в.), *Ахрамей* 'простофиля' (в орловских говорах), *Китайская стена* 'непреодолимая преграда', *Левша* 'народный умелец' и др. Поликоннотемные онимы делятся на: а) КО, смысловая структура которых состоит из нескольких более или менее близких по степени известности и частоте употребления референтных коннотаций, и б) КО с разными (по этому признаку) коннотациями.

Поликоннотемными онимами первой разновидности являются такие имена, как *Наполеон* (пять интерлингвальных значений: 'выдающаяся личность', 'диктатор', 'амбициозный человек', 'крупный полководец', 'сумасшедший'), *Вася* (пять интралингвальных значений: 'любой мужчина', 'человек, не пользующийся уважением', 'предприимчивый кустарь, шабашник', 'слесарь-водопроводчик', 'плохой работник, прогульщик'), *Иван Иванович* (шесть интралингвальных значений: 'всякий мужчина', 'авторитетный человек', 'влиятельная персона', 'политзаключенный из интеллигентов', 'прокурор', 'секретный осведомитель') и др. К поликоннотемным СИ второй разновидности относятся, например, антропонимы *Иван* и *Ванька*: первый – с восемью интралингвальными референтными коннотациями, имеющими как общеязыковое, так и территориально ограниченное распространение [в начале XX в. это коннотативное имя было носителем еще одного значения ('уголовный авторитет, налетчик')], связанного с социальным диалектом. Второй антропоним представлен с четырьмя интралингвальными общеязыковыми значениями (одно из которых – 'дешевый извозчик' уже утрачено) и двумя внутриязыковыми значениями, характерными для социального диалекта ('конвоир' и 'водитель машины, на которой возится неучтенный груз'); ср. далее: *Бонапарт* – с двумя интерлингвальными значениями: 'амбициозный человек', 'честолюбивый диктатор' и одним интралингвальным – в XIX в. этот оним употреблялся как ругательное слово (Н. Гоголь. Мертвые души; М. Горький. В людях и др.).

Промежуточное положение между моноконнотемными и поликоннотемными собственными именами занимают онимы, смысловая структура которых складывается из одной узуальной и одной или нескольких окказиональных референтных коннотаций, свидетельствующих о способности коннотонима к дальнейшему семантическому развитию (например, коннотативный мифотопоним *Геркулесовы столбы* с интерлингвальным значением 'крайние пределы чего-либо' и с окказиональным – 'нечто выдающееся').

Коннотонимия русского языка содержит в себе как имена собственные с живой коннотемной структурой, когда ее семантические компоненты общепонятны и функционально активны, так и уже "угасшие" коннотонимы, смысловые и эмоционально-экспрессивные обертоны которых существовали только в прошлом. В настоящее время это уже "чистые" онимы. Таковыми, например, являются: *Австра-*

лия – с утраченными референтными коннотациями 'очень далекое место' (см. в письме В. Белинского к А. Герцену от 6 сентября 1846 г.) и 'глушь, бескультурье' (А. Чехов. Надлежащие меры), *Аристотель* 'философ', планетоним *Марс* с почти стершейся коннотацией 'очень далекое место, селение', мифоантропоним *Алкивиад* 'повеса, соблазнитель', топонимы *Шанхай* 'неблагоустроенная часть города, поселка' и *Китай* 'застой, апатия' (А. Герцен. Былое и думы; П. Боборыкин. Китай-город) и др. Подобные "потухшие" коннотонимы в своем еще "живом" состоянии или зафиксированы в старых текстах, или же могут быть восстановлены опосредованно – на базе современных отконнотонимных производных. Например, утраченная референтная коннотация 'турок' – на основе отконнотонимного апеллятива *осман*, отмеченного в донских говорах со значениями 'смелый человек' и 'наглец, бесстыдник'. В основе апеллятивных экспресsem *пентюх*, *фетюк*, *фефёла*, *фаля*, *фатюй*, *фофан*, *фифа* и др. лежат коннотативные антропонимы *Пентюх* (из *Пентелей* < *Пантелей*), *Фетюк*, *Фефёла*, *Фаля*, *Фатюй*, *Фофан*, *Фифа*.

Коннотонимы участвуют в процессах трансонимизации. Это один из путей образования новых собственных имен. Трансонимизация бывает а б с о л ю т н о й (лексико-семантической, безаффиксной) и с м е ш а н н о й (с участием аффиксов). Коннотативные онимы присутствуют в ней в качестве обязательного промежуточного звена, формально тождественного их предшествующему состоянию. Общая схема данного процесса: СИ₁ → КО → СИ₂. Установлены следующие типы и подтипы такой трансонимизации: 1) В н у т р и в и д о в а я. Примеры ее: *Амур*₁ (гидроним) → *Амур* 'отдаленное место' (КО) → *Амур*₂ (ойконим, урбаноним); *Бродвей*₁ (годоним) → *Бродвей* 'главная улица' (КО) → *Бродвей*₂ (неофициальный годоним); *Калифорния*₁, *Эльдорадо*₁ (хоронимы) → *Калифорния* 'богатый край', *Эльдорадо* 'благодатное место' (КО) → *Калифорния*₂, *Эльдорадо*₂ (ойконимы, ойкодомонимы); *Камчатка*₁ (название полуострова) → *Камчатка* 'отдаленное место' (КО) → *Камчатка*₂ (ойконим, урбаноним); *Черемушки*₁, *Шанхай*₁ (ойконимы) → *Черемушки* 'район, застроенный домами по типовому проекту', *Шанхай* 'трущобы' (устар.) (КО) → *Черемушки*₂, *Шанхай*₂ (урбанонимы); *Сахалин*₁, *Соловки*₁ (инсулонимы) → *Сахалин*, *Соловки* 'отдаленное место' (КО) → *Сахалин*₂, *Соловки*₂ (ойконимы, урбанонимы); *Сибирь*₁ (хороним) → *Сибирь* 'место дальней ссылки' (КО) → *Сибирь*₂ (ойконим) и др.; 2) М е ж в и д о в а я. Примеры: (*Алые паруса*₁, "*Бригантина*"₁ (идеонимы) → "*Алые паруса*", "*Бригантина*" 'романтика' (КО) → "*Алые паруса*"₂, "*Бригантина*"₂ (ойкодомонимы); *Болдинская осень*₁ (хрононим) → *Болдинская осень* 'творческий подъем' (КО) → *Болдинская осень*₂ (геортоним); *Варфоломеевская ночь*₁ (хрононим) → *Варфоломеевская ночь* 'бойня, расправа' (КО) → *Варфоломеевская ночь*₂ (антропоним); *Иван*₁, *Иван Иванович*₁ (антропонимы) → *Иван*, *Иван Иванович* 'русский человек' (КО) → *Иван*₂, *Иван Иванович*₂ (хремотонимы); дядя *Ваня*₁ (антропоним с "титulyным" словом) → дядя *Ваня* 'простой русский человек' (КО) → дядя *Ваня*₂ (прагматоним – название сандалий); *Илья Муромец*₁ (мифоантропоним) → *Илья Муромец* 'богатырь' (КО) → *Илья Муромец*₂ (прагматоним – название военного четырехмоторного самолета в период Первой мировой и гражданской войн); *Марс*₁ → *Марс* 'отдаленное место' (КО) → *Марс*₂ (ойконим); *Соломон*₁ (антропоним) → *Соломон* 'мудрец' (КО) → *Соломон*₂ (библионим) и др. Немногие собственные имена, развившие референтные коннотации, участвуют в обоих типах абсолютной трансонимизации. Например: *Аркадия*₁ (хороним) → *Аркадия* (КО) → *Аркадия*₂ (топоним, артионим, наутоним); *Геркулес*₁ (мифоантропоним) → *Геркулес* 'богатырь' (КО) → *Геркулес*₂ (антропоним, топоним, прагматоним).

Коннотативные онимы обладают разным словообразовательным потенциалом. Многие из них участвуют в словопорождении, другие этой способности не развили. Первые являются базовыми, или производящими, коннотонимами, а их дериваты – отконнотонимными производными, или д е к о н н о т а т и в а м и. Ср., например: *Голгофа* 'страдание, муки', 'место мучений' и *голгофный* 'мучительный, тяжкий', *голгофский* 'мученический' и др. Некоторые собственные имена могут иметь как "чис-

тые" отонимные, так и отконнотонимные производные. Например, дериваты личного имени *Марфа*: 1) *марфист* 'поклонник женщины с именем Марфа' и *марфизм* 'любовное влечение к женщине с именем Марфа' (в рассказе Е. Замятина "Икс"); 2) *марфунство* 'низменное, греховное начало в человеке' (в письме Н. Лескова к С. Юрьеву от 18 дек. 1870 г.) – от библейского имени *Марфа*, развившего символическое значение 'человек (чаще женщина), обделенный духовностью, сосредоточенный только на житейских интересах', а у духовных христиан – 'плотское начало'. Ср. также: *Азия* 'часть света' → *азиат* 'житель Азии' и *Азия* 'застой, отсталость, дикость' → *азиат* (диал. *азият*) 'грубый, жестокий человек', *азиатчина* 'дикость, бескультура' и др. Все отконнотонимные дериваты (деконнотативы) мотивированы собственными именами с узуальными сознаниями. Сами же производные от них могут быть двух типов – узуальными и контекстно-речевыми. Пример первых: *Иван* 'самостоятельный человек, хозяин' → *иванить*, *иваниться* 'превозносить себя, задаваться, форсить' (диал.). Пример вторых: *Афины* 'очаг культуры, науки, образования' → *афинство* 'ученость' (М. Салтыков-Щедрин). Ряд коннотонимов имеет производные обоих типов: *Адам* 'человек со свежим восприятием мира' → *адализм* 'модернистское течение в русской литературе начала XX века' и *безадамный* 'без мужчин' (Е. Евтушенко) – от *Адам* 'мужчина'; *Афины* → *афиняне* 'жители Афин' и *афиняне* 'носители культуры' (А. Герцен); *Езон* (*Эзон*) → *езопина* 'человек с безобразной внешностью, урод' (диал.) и *езопство* 'иносказание' (М. Салтыков-Щедрин). Утрата базовым онимом мотивирующей коннотации может привести к затруднениям в понимании смысла его производных. Примером может быть деконнотатив *китаизм* в "Литературных воспоминаниях" И.И. Панаева (1861) в значении 'застылость взглядов', 'инерция' (от устарелого коннотонима *Китай* 'застой', 'апатия').

Приобретение собственными именами референтных коннотаций (созначений) нередко в прошлом происходило в народных говорах. В XX в. этот процесс активизировался в социальных диалектах, особенно в молодежном арго и криминальном жаргоне. Утрата мотивов вторичной номинации (деэтиологизация) и связи с онимной лексикой у определенной части коннотонимов привели к тому, что они изменились в отконнотонимные апеллативы (деконнотативы), которые стали нуждаться в историко-этимологическом объяснении. Этимологический словарь, ориентированный на широкий охват лексики русского языка, а не только его общелитературного словарного состава, каковым является, например, словарь М. Фасмера, содержит такие деконнотативы и их дериваты. В четырех томах "русского Фасмера", по нашим подсчетам, имеется более семидесяти коннотативных онимов и деконнотативов. Крайне мало их в "Историко-этимологическом словаре современного русского языка" П.Я. Черных, который при отборе слов оказывал предпочтение словам "общепотребительным и общепонятным" [ИЭССРЯ 1993. I: 12].

Круг коннотонимов и деконнотативов может быть расширен, так же как и уточнены и дополнены уже существующие толкования некоторых из них. Ниже мы будем придерживаться последовательности, в какой они присутствуют в словаре М. Фасмера. Так, необудительна связь значений 'загогулина', 'плохой почерк' в диалектном слове *вавилон* с 'воспоминанием о вавилонском смещении языков', так же как и прямое возведение его к топониму *Вавилон*. Смысловая и словообразовательная история этого деонимического апеллатива была иной. В русской онимии зарегистрировано три омонимичных СИ *Вавилон*, и только один из них является ойконимом – названием столицы Вавилонского царства. Это – "денотативный" оним *Вавилон*₁, на базе которого развился коннотоним *Вавилон*₁ с несколькими сознаниями: 'порок', 'греховное место', 'место (чаще город) с разноязычным населением', 'скопление людей разных национальностей', 'бойкое многолюдное место', 'огромный город'. Этот коннотоним вошел в состав топонимических парафраз *Вавилон-на-Гудзоне* (Нью-Йорк), *Северный Вавилон* (древнее поселение Алтын-Депе вблизи Ашхабада), *желтый Вавилон* (Шанхай: в книге Н. Ильиной "Судьбы. Из давних встреч")

и др. Второй оним – *Вавилон₂* развился из составного хремотонима *Вавилонский столп* и является продуктом его стяжения с созначениями иного плана: ‘крупное сооружение’, ‘нагромождение чего-л.’, ‘грандиозный честолюбивый замысел’ и др. Путем стяжения хрононима *Вавилонское столпотворение* образовался и *Вавилон₃*, получивший созначения ‘хаос, беспорядок, сумятица’, ‘толчея, давка’. Ср.: *Как древний Вавилон, наш край угрюм и тесен / Для звуков пламенных певцов* (А. Апухтин; здесь *Вавилон₁*); *Воплощая Христа, Она [музыка] – София, лучистая Дева; не воплощая Христа – Лунная Дева, Астарта, Огнезарная Блудница, Вавилон* (А. Белый; здесь уже коннотоним *Вавилон₁*); *Вавилон₂* и соответствующий ему коннотоним: *На таких, как ты, Вавилон строят, вбивают вас в землю, как сваи, и фундамент из вас кладут...* (Н. Лесков); *Стоит, как башня, наша власть науки, а прочий вавилон из ящериц, засухи разрушен будет умною рукой* (А. Платонов). Стяженный вариант коннотативного хрононима *Вавилонское столпотворение* – *Вавилон₃* ‘хаос’, ‘смешение’ еще в азбуковниках XVI в. помещался в синонимический ряд со словами *размѣшение, смятение, размѣсь* и *Персида* [Ковтун 1975: 269]. Ср. также: *И вот прошел час, другой, миновал буфетный Вавилон в перерыве, а снотворную атмосферу в зале ничто не нарушало – ни дежурный доклад, ни “бумажные” прения по записи* (Комсомольская правда, 1989 г., 25 ноября). Коннотоним *Вавилон₂* стал базовым для целого ряда диалектных слов-деконнотативов: дон. *вавилон* ‘большой дом’, арханг. *вавилоны* ‘большие погреба для хранения рыбы’ [СРНГ 1969.4: 8]. Однако ни к одному из рассмотренных выше созначений коннотативных онимов *Вавилон₁*, *Вавилон₂* и *Вавилон₃* не восходят диалектные деконнотативы *вавилон* ‘зигзаг, извилина’, ‘изгиб реки, дороги, оврага’ [СРНГ 1969.4: 8; ПОС 1976.3: 15]; так же именовался и древнейший русский “чертеж” на белом гладком камне; *вавилоны* ‘почерк с закорючками’. Их семантика позволяет восстановить еще одно существовавшее в народной речи созначение коннотонима *Вавилон₂*, которое им было утрачено, – ‘кривая линия, изгиб’. В его основе лежит информация о такой детали Вавилонского столпа, как опоясывающий ее серпантин дороги, ведущей вверх, по которой доставлялся строительный материал. Так изображался Вавилонский столп на гравюрах и лубочных картинках. Дериватами отконнотонимного диалектного апеллатива *вавилон(ы)* являются *вавилончик* ‘запутанный, извилинами узор’ [СБГ 1980.2: 32] и *вавилонить* ‘плыть на лодке зигзагами’ [СРГК 1994: 158]. Деконнотатив *вавилон* ‘извилина, зигзаг; сложный изгиб, закорючка’ встречается и во фразеологии народных говоров и просторечья: *выводить (писать) вавилоны* ‘идти неровной походкой’, *разводить вавилоны* ‘говорить или писать околичностями, уходя от сути’. Учет всех этих подробностей семантической и словообразовательной истории проприальной лексемы *Вавилон* в русской книжно-литературной и диалектной речи помогает и при этимологизировании разноречных топонимов. Следы топонимизации отконнотонимного географического апеллатива *вавилон* ‘изгиб реки’, ‘кривая старика’ мы находим в названиях ручья, левого притока Москвы – *Вавилон* [МЭ 1980: 163] и болота в Устьянском районе Архангельской области [Печерских 1974: 26], а отконнотонимного апеллатива *вавилон(ы)* ‘большое сооружение’ – в названии урочища *Вавилон* в устье Дона, возле его рукава Каланчи, где в XVII–XVIII вв. стояли турецкие сторожевые башни.

Игнорирование такого явления, как референтные ономастические коннотации, иногда приводит к неправильным или “поверхностным” этимологиям многих слов и фразеологических выражений с онимными компонентами. Так, название растения *иван-чай* М. Фасмер производит от ойконима *Ивангород*, Ленинградская область [ЭСРЯ 1967. II: 114]. Растение это именуется также *копорским чаем*, *копоркой*, который в XIX в. шел “на подмеску чаев, обще со спитым чаем, из гостиниц” [Даль 1935. II: 1]. Ср.: – *А то бывает копорский чай. – Есть и копорский, только он не настоящий. Настоящий чай в Китае растет* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). О низком качестве копорского чая, или *иван-чая*, свидетельствует поговорка *Иван плох и в чаях* [Даль 1935. II: 1]. На связь названия растения с антропо-

нимом *Иван* (а не ойконимом!) указывают и другие варианты: *Иванов чай* [СВГ 1985: 3], *Иван-трава* и *трава Иван*, *Иван кочкин* [СРНГ 1977. 12: 54–55]. В вологодских говорах: *ванька-чай*, *ванька*, *ванюшка*; в прионежских: *ванька-танька* [СРГК 1994. 1: 160–161]. Ср. негативную оценку *иван-чая* в первой книге романа П.И. Мельникова (Андрея Печерского) "На горах": – *Пробовал ли ты, Зиновий Алексеевич, эту кантонку?* (речь идет о китайском чае из Кантона – Е.О.) – *Доводилось, – ответил Доронин. – Брандахлыст, – решил Марко Данилыч. – Почти одно, что наша копорка, – заметил Доронин.* Об *иван-чае* (копорском чае) говорили: *Копорское крошево и кисло и дешево* [СРН 1990: 211]. У поликоннотемного личного имени *Иван* и его производного *Ванька* наиболее известными в народной речи были и остаются созначения 'простой человек, человек из простонародья; мужик, деревенщина'. Отсюда и мотивация названий растения *Иван(иван)-чай*, *Иванов чай* и др.: это чай для бедняков, простолюдинов, т.е. *Иванов* и *Ванек* (ср. *ванька-чай*).

С коннотативным антропонимом *Ваня* связано и уральско-сибирское диалектное существительное *ваньзя/ваньзя* 'простофиля', которое О.Н. Трубачев включил в свой перевод словаря М. Фасмера со ссылкой на раннюю работу А.К. Матвеева "К этимологии слова *ваньзя*", производившего диалектизм *ваньзя* от этнонима *манси/манзы* [Матвеев 1958: 225–230]. Однако в диалектах могла произойти контаминация этнонима *маньжа/маньзя* 'манси' и коннотативного личного имени *Ваньша* от *Ваня* 'недалекий человек; доверчивый простака, вахлак'. Ср.: *Что, распутались вы, дряни? Уж прямые-то вы Вани. Бестолчь вятская и есть. Вам, чай, двух не перечесть* (С. Веснин. Рассказы бабушки о Ванях-вятчанах; автор – современник П. Ершова); *Макар посмеялся кротко, снисходительно, ласково. Он знал драчливый характер Ивана. – Ах пошуметь бы?.. Ах бы да сейчас развоеваться бы?.. Эх ты, Ваня и есть* (В. Шукшин. Непротивленец Макар Жеребцов). Примечательно, что контаминированная форма *ваньдзя* способна употребляться и как антропоним: *Ваньдзя, дружок хороший, помоги мне* [СРГСУ 1964. 1: 66]. Ср. *ваньзя/ваньзя* 'глупец, простофиля': *Ух, как ваньзя, раскис. Шишот не понимает дурачок* [СРГК 1994. 1: 40]; *ваньзэ* – с собирательным значением: *Собрались ваньзэ Москву смотреть* [СРНГ 1969. 4: 38]. Антропоним *Ваньжа*, ближе других фонетических вариантов связанный с коннотонимом *Ваньша*, – имя персонажа народных сказок, паремий и анекдотов о глупом и неумелом человеке. Ср.: *Ваньжа сук рубит, а сам на ём сидит* [СРНГ 1969. 4: 38]. В олонецких и архангельских говорах отмечена форма *Моньжа* – от *Моньша*, которая в свою очередь, от *Моня* – гипокористики полных имен *Мирон*, *Моисей*, *Парамон*, *Филимон* и др. М. Фасмер связывает антропонимы *Моня* и *Моньша* с одним только именем – *Митрофан*, что маловероятно [ЭСРЯ 1967. II: 651]. Отголосок суффикса *-ша* в женском имени *Марьша* (от *Марья*, *Мария*) имеется и в слове *марджá*. Здесь имело место не "тюрк. произношение имени *Марья*" [ЭСРЯ 1967. II: 572], а фонетическое освоение тюрками диалектной формы *Марьша*, структурно одинаковой с *Ваньша*. В объяснении нуждается присутствие варианта *ваньзя* (со следом влияния этнонима *манси/манзы* в его исходе) в говорах Карелии, далеких от местопребывания вогулов – Тюменской и Свердловской областей. Вероятнее всего, *ваньзя* и *ваньжа* – разного происхождения. В образовании последнего варианта этноним *манси* не участвовал. Это суффигированный коннотативный антропоним *Ваня*: *Ваньша/Ваньжа*.

Без учета явления коннотирования в народной речи СИ, изначально имевших нехарактерную для русского ономастикона фонетическую оболочку (со звуком *ф* или хиатусом), нельзя решить и вопрос о происхождении слова *олух*, объяснить причину его появления в оксюморонном фразеологизме *олух царя небесного*. В писцовых книгах 1492 г. сохранились следы его употребления как личного имени: крестьяне *Олух Васильев*, *Олух Данилов*, *Олух Ивашов*, *Олух Васков*; производные формы *Олухно*, *Олушка* и *Олутко* [Тупиков 1903: 288–289]. Как отконнотонимный апеллятив и ругательное слово *олух* отмечается в текстах XVIII в. Ср.: *Переведенцы поставили домики себе изрядные, и дворы их были несравненно лучше старинных степ-*

ных наших олухов, Видит он, что я не олух, а сам по себе, а начал мало по малу обходиться со мною вежливее и учтивее... [Болотов 1872. III: 82,218].

Мы разделяем убеждение Б.М. Ляпунова в том, что *олух* – от личного имени *Олуферий* [Ляпунов 1935: 259–261]. Этот фонетический вариант личного имени (он не зафиксирован ни в словаре Н.М. Тупикова, ни в современном "Словаре русских личных имен" Н.А. Петровского) – результат адаптации в народной речи греческого антропонима *Елевферий* (Ἐλευθέριος). Ее признаки: а) начальный гласный *о* на месте *е* (ср. аналогичные случаи: др.-русс. *Ольгъ*, *Ольга* из скандинавских имен *Helgi*, *Helga*, *Остан* из *Евстафий*; *Авдоким* < **Овдоким* из *Евдоким*; *Авсей* < **Овсей* из *Евсей* и др.); б) изменения в произношении звуко сочетания *ев-* (из греческого дифтонга *ευ*): появление в нем губного звука вследствие дистактной (под влиянием начального губного *о*-) и контактной (под воздействием последующего губного *в/ф*) ассимиляций; в) замещение чуждого русскому народному языку звука *ф* звуком *х*. Все эти фонетические изменения, вызванные вхождением греческого имени *Елевферий* в русский народный именник, скорее всего, имели место не в исходной труднопроизносимой его форме, а в его гипокористическом народно-разговорном варианте **Олуф*, изменившемся в *Олух* (ср. подобные гипокористики: *Федос* из *Федосий*/Феодосий, *Гилар* из *Гиларий*, *Клим* из *Климентий* и др.). Фонетическое изменение **Олуф* > *Олух* произошло одновременно с образованием гипокористики, и сам вариант **Олуф* в народно-разговорной речи реально не существовал, так же как и **Дороф* (< *Дорофей*), сразу же преобразившийся в *Дорох*, **Стеф* (< *Стефаний*) > *Стех*, **Тимоф* (< *Тимофей*) > *Тимох*(а). Подобным образом появляется вариант *Астан*/Остан из *Евстафий* (но с другой заменой конечного – на губной): *Евстафий* > *Астафий* > **Астаф* > *Астан*/Остан и т. д. В двинских грамотах XV в., изданных А.А. Шахматовым в 1903 г. (№№ 23 и 24), одно и то же лицо именуется то *Олфереи* Григорьев (№ 23), то *Олухъ* Григорьевъ. Б.М. Ляпунов считал, что "Шахматов не сомневался в этимологической связи имен *Олуферий* и *Олух*" [Ляпунов 1935: 260].

Существуют и другие точки зрения на происхождение экспрессивного слова *олух*, не учитывающие возможности апелляции коннотативного личного мужского имени. Так, М. Фасмер, вслед за А.И. Соболевским, допускал его развитие из *волух* 'коровий пастух' (ЭСРЯ 1971. III: 136; в другом месте словаря это слово приводится с ударением на суффиксе [ЭСРЯ. 1964. I: 345]). Такого же мнения был и Г. Дьяченко [Дьяченко 2000: 92]. П.Я. Черных возражает: "Но такого слова пока еще никто не слышал. Да и трудно по фонетическим (ударение!) и семантическим соображениям из **волух* вывести *олух*" [ИЭССРЯ 1993. I: 597]. Однако слово *волухъ* можно найти в словаре И.И. Срезневского, где оно восстановлено из формы *волуси* 'погонщики, пастухи крупного рогатого скота', зафиксированной в "Вопросах и ответах св. Сильвестра и преп. Антония" по списку 1512 г. [Срезневский 1893. I: 296]. Как вполне достоверную лексему рассматривают *волухъ* и составители "Словаря русского языка XI–XVII вв." [СРЯ 1976.3: 13], не добавив, впрочем, нового иллюстративного материала. Ударение в этом слове вначале было на основе, как и в одноструктурном слове *кониох* (кон '-ух). Видимо, *волух* 'волопас' имел более узкое значение, чем семантически близкие ему существительные *пастух* и *пастырь*. *Пастух* (а тем более *пастырь*) не только сторожил стадо домашних животных, но и оберегал духовное стадо – паству, был ее наставником и руководителем. Специализация значения слова *волух* 'волопас' (ср. *свинопас*) предопределила менее частое употребление его в речи. Более низкий функциональный статус и "житейская приниженность" способствовали появлению у него негативной коннотации на фоне книжного *пастырь* и нейтрального *пастух*.

Таким образом, в русском языке разными путями возникли и какое-то время сосуществовали два паронима – экспрессивное отконнотонимное существительное *олух* 'дурак, болван, простофиля, недотепа' и суффиксальное слово *волух* 'волопас', которым было уготовано соучаствовать в образовании дошедшего до нас фразеологизма *олух царя небесного*. Существительное *олух* П.Я. Черных выводит из др.-русс.

вълхвъ "кудесник" – «из известного евангельского рассказа о "поклонении волхвов"». Изменение конечного -ох (**волох*) в -ух он объясняет влиянием таких слов, как *пастух*, *евнух* и др. "Слово могло возникнуть, – пишет он, – в процессе борьбы церкви с волхвами, колдунами, шаманами, с волхованием, с колдовством и пр. Отсюда отрицательное (бранное) знач." [ИЭССРЯ 1993. 1: 597].

Более вероятным представляется иной путь развития этого фразеологического оборота, иная его мотивация. В его состав изначально входил лексический компонент со значениями 'наставник', 'хранитель', 'учитель', 'руководитель' – слова *пастырь* и *пастух*, и весь оборот значил 'пастырь, наставник Божий'. В памятниках древнерусской письменности слово *пастух* нередко употребляется в паре с синонимом *учитель*. Например: *бл(а)гословление отъ пастоуха възяти; азъ. священ быхъ и настованъ въ велицѣмъ и богохранимѣмъ градѣ Киевѣ, яко быти ми в немъ митрополиту, пастуху же и учителю* [Срезневский 1893. I: 886]. Парафраза *царь небесный* (=Бог) находится в одном семантико-ассоциативном поле с устойчивыми оборотами *отецъ небесный* и *царство небесное* (*небесское*). В памятниках древнерусской письменности отмечены словосочетания типа *пастоухъ Бога* (*Боговъ*), *пастырь церкви Божии*, *пастоухи църквъныя*, *пастоухъ цѣсаря* и под. Красноречивый наставник именовался *пастоухъ златоустый* [СДЯ 2000. VI: 356–357]. Высокопоставленные церковнослужители (один из них – митрополит в приведенном выше отрывке) – *пастухи* и *пастыри* "царя небесного", в силу каких-то причин получавшие негативную оценку со стороны своей паствы или самого духовенства, в народно-разговорной речи превращались в *волхвов царя небесного*. В синонимическом гнезде, состоящем из двух слов с широким значением – книжного *пастырь* и нейтрального *пастух* и одного с узкоспециальным значением – *волух*, последнее из них получает уничижительную эмоционально-оценочную коннотацию, что сделало возможным замену *пастыря* на *волоха*. Так возникло противопоставление: *пастырь/пастух царя небесного* и *волух царя небесного* (о церковнослужителе с запятанной репутацией). К еще большему "ухудшению значения" фразеологизма привела позднейшая замена в нем *волуха* 'волопаса' уже существовавшим в народной речи паронимичным коннотативным ономимом *Олух* или экспрессивным деконнотативом *олух* 'простофиля, дурак, болван', если к тому времени уже состоялась полная деонимизация этого коннотативного личного имени. Все это предопределило дальнейшее расширение сферы употребления оборота. Стало возможным относить его не только к утратившим доверие духовным пастырям – *волухам царя небесного*, поведение, поступки которых заслуживали отрицательной оценки, вызывали их неприятие. Контрастное сочетание неизменившейся части фразеологизма (*царя небесного*) с новым стилистически сниженным словом *олух* только усилило экспрессию всего оборота.

Возможно, еще одним результатом фонетического и смыслового развития неудобнопроизносимого редкого имени *Елеферий* (*Елевферий*) было диалектное слово *елоп*, *елоп* 'болван, остолоп', происхождение которого для М. Фасмера было "неясно" [ЭСРЯ 1967. II: 13].

Особую группу коннотативных СИ составляют антропонимы с "редким, а потому высокоинформативным" звуком *ф*, обладающим символическим значением, которое "создает мощную поддержку коннотативному значению, еще более усиливая его" [Журавлев 1974: 121, 133]. Это коннотонимы *Фалалей*, *Фаля*, *Фатюй*, *Февронья*, *Федора*, *Фетинья*, *Фекла*, *Федосья*, *Фетюк*, *Фефела*, *Филимон*, *Филон*, *Филофей*, *Филя*, *Фитяй*, *Фифа*, *Фома*, *Фофан*, в прошлом – различные адаптации в народной речи личных имен *Олуферий*, *Ефрем* и *Ерофей*. Символика и ассоциативный потенциал "звукобуквы" *ф* в их составе не только обусловили появление у них неодобрительных референтных коннотаций, но в некоторой мере повлияли и на их судьбу. Прав А.П. Журавлев, что "имена *Федора*, *Фекла*, *Глафира*, *Марфа*, *Федот*, *Фома*, *Фотий* своим исчезновением ... обязаны не в последнюю очередь фонетическому значению" [Журавлев 1974: 139]. По его данным, оценки (почти все – негатив-

ные) фонетического значения (S_1) имен *Фефёла* и *Фофан* во многом схожи – 11 совпадений из 19 характеристик. Этот фактор, несомненно, способствовал появлению у данных антропонимов коннотативных "двойников" и омонимичных отконнотонимных производных: *Фефёла/фефёла* 'неприятная, малопривлекательная женщина', 'простофиля' и *Фофан/фёфан* 'глупый, недалекий человек; простака'. В связи с первым именем уместно обратиться к еще более раннему наблюдению А.Н. Журинского над символикой начального звуко сочетания *фё* в словах византийского происхождения, прошедших народную обработку (*Фёкла*, *Фёдор*): этот слог "имеет значение деревенского, простоватого" [Журинский 1971: 251]. Разумеется, звуковой символизм подобных онимов – не единственный смыслообразующий и эмотивный фактор, определивший их изменения. Они испытывали и другие – собственно речевые и внеязыковые влияния, которые не всегда удастся достоверно выявить.

Кроме того, способность быть "чистым" СИ, коннотонимом или деконнотативом у них неодинакова. Это зависит и от этапов их "семантической жизни", и от объема, а также активности "ономастической памяти" тех лиц, кто использует такие СИ, их социального положения и культурного уровня. Речевое качество одной и той же единицы у разных авторов (а иногда и у одного и того же) нередко бывает разным: она употребляется то как "чистое" (или "денотативное") СИ, то как коннотативное СИ, то как отконнотонимный апеллатив. В текстах это выражается в написаниях ее со строчной или прописной буквы, в кавычках или без них.

Безусловным упущением при этимологизации деонимических апеллативов является отсутствие указания на промежуточное звено – мезолексы. Так, М. Фасмер отконнотонимный апеллатив *фалалей* 'повеса', 'зевака' (следует еще добавить: 'простофиля', 'доверчивый простака' и употребление в качестве бранного слова) производит непосредственно от собственного имени *Фалалей* (из греч. θαλλέλαμος) [ЭСРЯ 1973. IV: 183], минуя существовавшую в прошлом (еще в XIX в.) мезолексу *Фалалей*. Ср. разные семантические состояния этого слова: а) как "чистое", "денотативное" СИ: ...он легко вторгается в дом к финансисту *Фалалею* Губошлепову и даже выполняет разные мелкие его поручения (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши); б) как коннотоним с сознанием 'простофиля, разиня': *Любовник не был Фалалей. Лишь ночь желанна наступила И млою черною своей Московские дома покрыла, Он, как стрела, пустился к ней* (Д.П. Горчаков. Соловей (Из Бокаччо); настоящее имя любовника – Пролаз); в) как отконнотонимный апеллатив – ругательное слово: *Всю жизнь он слыл фатюем, фетюком, фалалеем* (М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом). На игре "денотативного" и коннотативного СИ *Фалалей* Ф. Достоевский в повести "Село Степанчиково и его обитатели" дважды строит ономастический каламбур: *Захочу ли я полюбить Фалалея?* (Это имя носит дворовый мальчик – Е.О.) *Могу ли я, наконец, любить Фалалея, если б даже хотел? Нет; почему нет? Потому что он Фалалей.* И еще: *Но Фалалей упорно оставался Фалалем.* СИ *Фалалей* участвовало в отконнотонимной деривации и своей разговорной гипокористической формой *Фаля*. В качестве условного антропонимного компонента она присутствует в поговорке *У нашего Фали рукавицы спали* [ПРН 1984. I: 354]; как деконнотатив со значением 'дурак, дура': *Собой-то краля, а умом-то фаля* [Михельсон 1912: 935]; как асемантическое бранное слово: *А подь ты к праху, фаля! Тыфу!!* (В.Я. Шишков. Алые сугробы). От усеченной антропонимной основы образовалась гипокористика *Фалуй*, а от нее – омонимичный коннотоним, впоследствии перешедший в апеллатив *фалуи* 'невежа, дурак'. Ср. апеллатив аналогичного образования *фатюй* 'лентяй, простофиля', который М. Фасмер неверно связывает с *фитюк* [ЭСРЯ 1973. IV: 188]. *Фатюй* – давно утраченный вариант личного мужского имени *Фотя* (которое, в свою очередь, – производное от полных старинных имен *Фот*, *Фóтий*, *Фотин*), или *Фáтя* (← *Фóтий*, *Фóтин*) с редким экспрессивным суффиксом – 'уй'. Возможно также, что суффикс – 'уй' появился на месте антропонимной финали –ей в производной форме *Фотей*, *Фатей* (← *Фóтий*) под влиянием экспрессивных нарицательных существительных *оболдуй*, *холуй* и под. Как "денотатив-

ный" и коннотативный антропоним *Фатюй* в нашей картотеке отсутствует, что свидетельствует о его давнем переходе в апеллатив, который А.О. Подвысоцкий толковал как 'недогадливый человек, вахлак' [Подвысоцкий 1885: 181].

Первая попытка этимологизации бранного слова *фетюк* принадлежит Н.В. Гоголю. В четвертой главе "Мертвых душ" в авторском комментарии к словам Ноздрева («Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!») он разъясняет: «Ф е т ю к – слово, обидное для мужчины, происходит от Ф (фиты), буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою». Современное ненормативное слово с таким же суффиксом, мотивированное существительным со значением 'vagina', на первый взгляд, может служить диахронической словообразовательной параллелью для слова, основой которого является название "неприличной буквы". Но тогда почему *фетюк*, а не *фитюк*? Это расхождение намеренно устраняет сам М. Фасмер, принявший толкование Гоголя: у него только *фитюк*» [ЭСРЯ 1973. IV: 197]. Однако принять эту этимологию мешает не только семантика данного слова – 'угрюмый человек, брюзга, кто вечно дуется' [СРГЮК 1968: 211], мотивационно не соотносимая с названием "неприличной буквы" (в отличие от слова *ферт* 'хлыщ, щеголь', где такая мотивация буквой очевидна), но и широкое присутствие слова *фетюк* в диалектной речи – от Вятки до Красноярского края [СРГЮК 1968: 211]. В истоках слова *фетюк* находится давно утраченная русским народным антропонимиком разговорная форма личного мужского имени, производная (посредством экспрессивного суффикса –ук) от редких старинных церковных имен *Феотих* (ср. его гипокористики *Фетя*, *Фетька*). *Яфет* и, может быть, *Феоктист*. В русском именнике такие образования нередки: ср. *Федюк* < *Федор*, *Сташук* < *Евстафий*, *Петюк* < *Петр*, *Павлюк* < *Павел*, *Митюк* < *Дмитрий*, *Зотюк* < *Изот*, *Венюк* < *Вениамин* и т. д. На существование отчества по отцу с именем *Фетюк* указывает и фамилия *Фетюкович* (адвокат в романе Ф. Достоевского "Братья Карамазовы"). На доапеллативном этапе смыслового развития *фетюк* его отрицательная коннотация была вызвана рядом причин: редкостью этого крестильного имени, символизмом столь же редкого, а потому высокоинформативного, начального звука *ф* и экспрессивностью суффикса –ук.

От *Фёта/Фётя* образовалось и личное мужское имя *Фетяй/Фитяй* с экспрессивным суффиксом –'ай, который присутствует в ряде современных антропонимных дериватов: *Митяй* (<Дмитрий), *Матяй* (<Матвей), *Женяй* (<Евгений), *Мосяй* (<Моисей), *Ваняй* (<Иван) и др. Это личное имя, вероятно, имело более ограниченную территорию распространения, чем *Фитюк*; таким же был и развившийся из него коннотоним с семантическим наращением 'ротозей', которое сохраняет отконнотонимный апеллатив *фитяй* в современных забайкальских говорах: *Фитяя мне в бригаду не надо. Если бы не этот фитяй, то к складу никто бы не пробрался* [Элиасов 1980: 434]. Коннотативность СИ *Фитяй* возникла вследствие тех же причин – звукового символизма начального *ф*, словообразовательного значения экспрессивного суффикса –'ай и пейоративной семантики слов с этим суффиксом (*кисляй*, *разгильдяй*, *слунтяй* и др.). Все сказанное свидетельствует об отконнотонимном происхождении слов *фетюк* и *фитяй*.

Целая группа диалектно-просторечных отконнотонимных апеллативов генетически связана с личным именем *Ефрем* (<Евфреми), *Ерофей* и *Пантелей*. Первое из них – уже в фонетически адаптированном виде *Опрѣмъ* и с какой-то семантической надбавкой пейоративного плана (возможно, 'простофиля') в сочетании с другим бранным "прозвищем" *Кормихно* зафиксировано в тексте 1503 г. одной из псковских летописей: *И князь псковской Иван Горбатой начаша заганивати псковичь, чтобы не ѳхали розно, а они вси по закустовью, и начаша ему псковичи прозвище давати опрѣмом и кормихном* [ПЛ 1941. I: 88]. Позднее в народно-диалектном именнике получают распространение его морфолого-фонетические дублеты *Ахрамей* (<Евфреми), *Вахрамей*, *Вахрушка*, зафиксированные писателями XIX в.: *Тут меня знают .. выведу весной – встречают: "Что, мол, дядя Ахрамей, – жив еще, не окачурился?"* (В. Короленко. В пустынных местах); *На вид Вахрамею можно было дать лет*

пятьдесят .. (Д. Мамин-Сибиряк. Золотая ночь); *Бабы-то умаялись без тебя, Вахрушка* (Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб). В орловских говорах прошлого века *Ахрамей* – ‘простофиля’ [СРНГ 1965. 1: 297]. От фонетического варианта этого коннотативного имени *Вахрамей* образовались его производные, испытавшие полную деонимизацию: *вахруля* (нижегор.) ‘нерасторопный, неловкий человек’ [СРНГ 1969.4: 76] от коннотонима *Вахруля*; *вахрюта* ‘нескладный, некрасивый человек’ [СРНГ 1969. 4: 76, с пометой: Осташк. Твер., 1855 г.; от коннотонима *Вахрюта*]; *вахрюш* ‘нерасторопный, неповоротливый человек’. *Какой ты вахрюш* [СРНГ 1969. 4: 76, с пометой: Рыльск., Судж. Курск., 1849 г.; от коннотонима *Вахрюша, Вахрюш*].

Другой морфолого-фонетический дублет канонического имени *Ефрем(ий)* – *Ахреян* представляет собой суффиксальное производное от *Ахрем*, как *Устьян* от *Устин*, *Митреян* от *Дмитрий* и др. [Чернышев 1935: 173]: *Вот приближается пан Охреян; спросить бы еще в третий и последний раз. Здравствуй, пан Охреян!* (В. Нарезный. Два Ивана, или страсть к тяжбам). “Словарь церковно-славянского и русского языка”, составленный Вторым отделением Академии наук, уже зафиксировал отконнотонимный апеллатив *охреян* (это мог быть и коннотативный антропоним, строчная буква которого – показатель того, что это уже мезалекса), толкуемый как ‘необразованный, нерасторопный простолюдин’ [СЦРЯ 1847. III: 147]; со значениями ‘лентяй’, ‘неотесанный, грубый, мужиковатый увалень’ приводит его В. Даль [Даль 1935. II: 802; с пометой: “пермское и вятское”]. Ср. также: *Но сей ахреян не так-то скоро повернулся, как мы думали и ожидали* [Болотов III: 598; запись 1809 г.]; *Селиверст! Ну, разошлся, охреян неприличный – Селиверст!* (И. Тургенев. Разговор на большой дороге). Подобным образом украинский антропоним *Охрим* (<*Ефрем*) развивает способность употребляться и в качестве коннотонима с созначением ‘простака, чурбан’, не перешедшего, впрочем, в деконнотатив. Ср. его разные состояния: 1) *В половине дня по панскому приказу представлен был на гумна пленник по имени Охрим* (В. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник) и 2) *Невтесом всі його дразнили. По-нашому ж то звався Охрім* (И. Котляревский. Энеида). Неясна линия семантического развития *охреян* ‘раскольник, старообрядец’: *Азовский паша подослал в русский лагерь одного из охреян, закоснелых раскольников, изменивших государю и отечеству* [Устрялов 1858. II: 147]. От *охреян* ‘лентяй, увалень’ – “пермский” диалектизм *охреянить* ‘лукавить, лениться, отстаивать в паре’: *лошадь охреянит* [Даль 1935. II: 802].

О былом семантическом наращении ‘сварливый человек, задира’ в личном имени *Ерофей* свидетельствует образованный от него глагол *ерофениться* ‘ругаться’ [СРНГ 1972. 9: 33]. Структурно-звуковая адаптация этого коннотативного антропонима – *Еропá* лежит в основе диалектного отконнотонимного апеллатива *еропá* ‘надутый, чванливый, самодовольный человек’ [Даль 1935. I: 536], а от него *ерепениться* ‘чваниться, упрямиться’ (там же) со следом межслоговой ассимиляции. В современном жаргоне: *ерепénить* ‘кричать, шуметь, греметь’, ‘возражать, сопротивляться, настаивать’; *ерепéло* ‘упрямец, крикун’ [Кучинский 1998: 521]. Фонетический вариант отконнотонимной основы *ереп-* (<*ероп-* < *Ероп-* < *Ероф-*), по видимому, присутствует и в целой группе диалектных слов как в простом, так и в суффиксально распространенном виде: *ерепеня* ‘вздорный человек’, *ерепериться* ‘волноваться, ерепениться’, *ерепéс/ерепесá* ‘задира, шалун’, *ерепесливый* ‘неспокойный, раздражительный человек’, *ерепесь* ‘суетливый, нетерпеливый человек’, *ерепыжить* ‘ругать’, *ерепыжиться* ‘ругаться, сердиться’ [СРНГ 1972. 9: 19]. Ср. тульск. *ерóпнть* ‘упрямиться’, где ассимиляции нет [СРНГ 1972.9: 19]. На связь *еропы* с **Еропой* (<*Ерофей*) указывают и синонимы *ерóпка* и *ерофеич* ‘настоянная на пахучих травах водка’ [СРНГ 1972. 9: 19]. Продуктом формально-звуковых трансформаций в разговорной речи антропонима *Ерофей* стал и его дериват *Ероха*, тоже получивший семантические наращения и перешедший в экспрессивный отконнотонимный апеллатив *ероха* ‘неряха, нечеса, космач’, ‘задира, сварливый человек’ [Даль 1935. I: 537], которым, в свою очередь, были мотивированы диалектные глаголы

еро́шиться ‘сердиться, гневаться’ и *ерохо́ниться* ‘сердиться попусту, быть вспыльчивым’ [СРНГ 1972. 9: 33]. Последний из них испытал контаминацию с *ерихо́ниться* ‘капризничать, упрямиться, ломаться, куражиться’ [СРНГ 1972. 9: 21] и ругательным словом *ерихон* ‘взбалмошный, шумный человек’. Ср. у П.И. Мельникова (Андрея Печерского): – *Ерихоны, дуй вас горой!.. Перекосило б вас с угла на угол, – бранился дядя Елистрат* (В лесах). Деконнотатив *ероха* ‘неряха, нечеса. космач’ вошел в состав выражения *ероха-воха*, вторая часть которого первоначально его семантически дублировала, будучи связанной с диал. *во́хлы* ‘длинные, всклокоченные волосы, космы’, *вохляк/вохлюк* ‘косматый человек’ [СРНГ 1972. 4: 164]. Ср.: *Я к нему в работники нанялся; как в Перму приедем, слезу с парохода, прощай, ероха-воха* (М. Горький. В людях); – *Луни его, Ероха-воха! Под душу дай* (М. Горький. Преступники).

Впервые на отонимное происхождение слова *пентюх* (от *Пентелей* из *Пантелей*) указал В.И. Чернышев, допустив при этом, что оно испытало сближение со словом *пень* ‘бестолковый человек, тупица’ [Чернышев 1935: 175–176]. М. Фасмер, упомянув об этой попытке толкования слова, констатирует, что *пентюх* “обычно связывают с *пень*”, а некоторые сближают с укр. *бендюх/бендюг* ‘брюхо; внутренний’ из венг. *bendő* ‘брюхо’, но эту “венгерскую этимологию” он не принял [ЭСРЯ 1971. III: 232]. П.Я. Черных производит *пентюх* “из *тентюх* (вследствие сближения с *пень* на почве народной этимологии)”. Вся словарная статья изобилует малоубедительными лексическими сближениями (например, с междометием *терь-терь/терь-дерь* и словом *тетеря*) и заканчивается выводом: “из *пентерь* : *пендерь* получилось *пентюх* : *пендюх* не без влияния бран. *олух*” [ИЭССРЯ 1993. II: 19]. Деонимизацию испытали оба фонетических варианта коннотативного онима с экспрессивным суффиксом – *Пантюха* и *Пентюха*. В народных говорах зафиксирован также вариант с приставным *о-*: *опэнтюх* ‘неловкий, неповоротливый человек’, ‘неразговорчивый, замкнутый человек’ [СРНГ 1987. 23: 250]. К сказанному необходимо сделать одно уточнение. Сомнительным представляется само существование “простонародного” варианта имени *Пентюх*, о котором писал В.И. Чернышев. В народно-разговорном антропонимиконе встречаются, как правило, суффиксальные разновидности мужских личных имен с окончанием *-а*: кроме *Пантюха/Пентюха*, это *Артюха*, *Васюха*, *Гаврюха*, *Степуха*, *Карпуха*, *Лавруха*, *Матюха*, *Панюха*, *Юха* (от *Юрий*) и мн. др. Исключения единичны, например, *Митүх* – от *Дмитрий* наряду с распространенным *Митюха* [Петровский 1980: 97, 325], *Витюх*. Поэтому вполне возможное паронимическое выравнивание со словом *пень*, подготовленное более ранней гармонизацией гласных в личном имени (*Пантелей* > *Пентелей*), и, как следствие этого, появившаяся зависимость от пейоративного переносного значения апеллятива, могла испытать, скорее всего, только форма *Пентюха*, которая после переноса ударения на первый слог (обусловленного смысловой связью с *пень*) утратила фонетически ослабленный конечный звук *-а*. Схематически этот процесс можно представить так: *Пентелей* > *Пентюха* + *пень* ‘бестолковый, бесчувственный человек’ > коннотоним *Пентюха* > отконнотонимный апеллатив *пентюха* > аллегровая форма *пéнтюх*.

Естественно, вариант *Пантюха* в паронимической аттракции не участвовал и поэтому метатонии не испытал. На его основе возник отконнотонимный апеллатив *пантюха* ‘никчемный, глупый, бестолковый человек’: *А пантюха и чечас пантюха, значит, ни с чем пирожок, беспонятный, значит* [СРСГСЧО(д) 1975. 2: 65]. Об осознании связи отконнотонимного апеллятива *пантюха* с коннотонимом *Пантелей* (из *Пантелеймон*), восходящим к омонимичному деривату личного имени *Пантелей* (из *Пантелеймон*), прямо свидетельствует онимный каламбур: *Старшего из них Пантелеем звали. Он пантюхой и вышел. Простяга парень* (П. Бажов. Змеиный след). Таким образом, *пéнтюх* и *пантюха* в своих истоках имели одно личное имя – *Пантелей*, которое само по себе в конце XIX–XX в. могло употребляться как уничижительный коннотоним. Ср.: – *А ты, Пантелей, что здесь делаешь?* – *спросил он, повернувшись к Редьке.* – *Пьянствуешь с ними? Он всех людей почему-то называл*

Пантелеями, а таких, как я и Чепраков, презирал и за глаза обзывал пьяницами, скотами, сволочью (А. Чехов. Моя жизнь). Эта коннотация особенно выразительно проявилась в ономастическом каламбуре В. Аксенова в его повести "Ожог": *Пантелей, попадая в деловой коридорный уют КГБ, умилялся от сознания, что он, Пантелей, биологически обычный пантелей, вот так, без труда попадал в святая святых.*

Несколько замечаний о некоторых других отонимных апеллятивах в словаре М. Фасмера. Слово *жучка* неверно толкуется как производное от устаревшей клички домашней собаки *Жужу*, в основе которой находится франц. *joujou* 'игрушка' [ЭСРЯ 1964. 1: 64, 68]. В первой пол. XIX в. это слово употреблялось и как манерное интимное обращение к человеку или его прозвище. Ср.: *Все были такого рода, которым жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия: кубышки, толстунчика, пузатика, чернушки, кики, жужу и проч.* (Н. Гоголь. Мертвые души). *Жучка* не только "маленькая собачка", как сказано в словаре, но и распространенная кличка любой непородистой дворовой собаки, как *Бобик, Барбос* или *Шарик*. Маловероятно, что это слово было мотивировано претенциозной кличкой "французской" комнатной собаки. О существовавшей зависимости выбора кличек собак от их породы писал Н. Лесков в "Соборяхнах": «...названия, мол, даются все больше по породам, что какой прилично: борзые почаше все "Милорды", а те из наших простых, которые красивей, "Барбосы" есть, из аглицких "Фани", из курляндских "Шарлотки", французских называют и "Жужу" и "Бижу"; испанские "Карло", или "Катанья", или еще какие-нибудь; немецкие "Шпиц"...». В русском ономастике начала XIX в. существовали коррелятивные кинонимы *Жучок* и *Жучка*, первый из которых впоследствии был утрачен. В парке усадьбы Грузино (б. Новгородская губерния), принадлежавшей А. Аракчееву, стояли чугунные статуи собак с надписями: "Верному Жучку" и "Милой Дианке" [Курбатов 1916: 612]. Оба кинонима были мотивированы русским апеллятивом *жук*.

Как слово с "неясной" этимологией приводится арготизм и "кубанский" диалектизм *шмара* 'любовница' [ЭСРЯ 1973. IV: 458], который также является одним из отконнотонимных производных, связанных с женскими именами *Марья, Марьяна*. Среди многочисленных референтных коннотаций их гипокористик *Маруся, Маруха, Марушка, Мархоня* и *Мара* преобладающими являются 'любовница', 'проститутка' [Даль 1990: 134; СРНГ 1981. 17: 368, 377; СМА 1994: 240; БСРЖ 2000: 337 и др.]. Фонетическими вариантами деконнотатива *мара* являются современный жаргонизм *амара* 'проститутка' [СВЯ 1992: 3] – с протетическим *а-*, а также *шмара* – с протезой *ш-*. Последний вариант отконнотонимного апеллятива присутствует в сложных словах *шмаровоз* 'любовник, сутенер' (вначале, очевидно, так называли извозчиков, возивших *шмар*) и *шмарогон* 'ловелас' [СВЯ 1992: 121]. Экспрессивное приставное *ш-* имеется также в словах *шнырять, шпулять, шмот* и др. Слово *петрушка* этимологизируется только как название травы. Отсутствует его омоним *петрушка* 'неразбериха', 'пустое дело', 'всем надоевшее занятие': *Это что за петрушка была?* (И. Бабель. Конец богадельни); *Четыре певицы, четыре хорошо одетых женщины пришли жаловаться. Речь: "У нас в посредрабисе при квалификации происходит колоссальная петрушка"* (И. Ильф. Записные книжки). Ср. также *вот такая (какая) петрушка; валять петрушку*. В основе этого омонима лежит коннотативный артионим *Петрушка*, сознание которого – 'веселое шумное представление' развилось из денотативного значения 'народный кукольный театр Петрушки'. Полная демотивация отконнотонимного апеллятива привела к устойчивой связи этого просторечного слова с омонимичным названием огородного растения.

Таким образом, практика составления этимологических и историко-этимологических словарей свидетельствует о недостаточном внимании к деривационной и семантической истории отконнотонимных апеллятивов. Прямое соотнесение их с первичными – денотативными – СИ (что чаще всего и наблюдается) без рассмотрения их промежуточного – "мезолексного" состояния приводит к разрыву цепи их смысло-

вой эволюции. Конечно, необходимый материал для этого может дать только словарь коннотативных собственных имен и их производных, раскрывающий не только коннотемную структуру таких семасиологизированных онимов в определенные периоды их функционирования в русской речи, но и динамику смысловых переходов, детерминированность их как внутриязыковыми факторами, так и экстралингвальными условиями и ситуациями, в которые попадало и попадает то или иное собственное имя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болотов 1872 – *А.Т. Болотов*. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков. Т. III. СПб., 1872.
- БСРЖ 2000 – *В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- ВуЛС 2002 – Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 8. Донецк, 2002.
- Даль 1935 – *В.И. Даль*. Толковый словарь. М., 1935. Т. I, II, IV.
- Даль 1990 – *В.И. Даль*. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // ВЯ. 1990. № 1.
- Дьяченко 2000 – *Г. Дьяченко*. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 2000.
- Журавлев 1974 – *А.П. Журавлев*. Фонетическое значение. Л., 1974.
- Журицкий 1971 – *А.Н. Журицкий*. Некоторые сопоставления “периферийных” классов языковых знаков (в одном или разных языках) // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
- ИЭССРЯ 1993 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1993.
- Ковтун 1975 – *Л.С. Ковтун*. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII вв. Л., 1975.
- Курбатов 1916 – *В.Я. Курбатов*. Сады и парки. Пгр., 1916.
- Кучинский 1998 – *А.В. Кучинский*. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Лагерная живопись, условный жаргон. Донецк, 1998.
- Ляпунов 1935 – *Б.М. Ляпунов*. О некоторых примерах образования имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных в славянских языках // Академия наук СССР. XLX академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935.
- Матвеев 1958 – *А.К. Матвеев*. К этимологии слова “ваньза” // Уч. зап. Уральского Гос. ун-та. Вып 16. Свердловск, 1958.
- Михельсон 1912 – *М.И. Михельсон*. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912.
- МЭ 1980 – Москва. Энциклопедия. М., 1980.
- Отин 1986а – *Е.С. Отин*. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Этимология. 1984. М., 1986.
- Отин 1986б – *Е.С. Отин*. Принципы построения коннотационного словаря русских онимов // Русское языкознание. К., 1986. Вып. 13.
- Отин 1988 – *Е.С. Отин*. Словарь собственных имен, употребляемых в переносном значении // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. М., 1988.
- Петровский 1980 – *Н.А. Петровский*. Словарь русских личных имен. Изд. второе. М., 1980.
- Печерских 1974 – *Т.А. Печерских*. Вторичные топонимы типа *Камчатка* // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. № 8–9.
- ПЛ 1941 – Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
- Подвысоцкий 1885 – *А.О. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПОС 1976 – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1976. Вып. 3.
- ПРН 1984 – Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. М., 1984.
- СБГ 1980 – Словарь брянских говоров. Л., 1980.
- СВГ 1985 – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1985.
- СВЯ 1992 – Словарь воровского языка. Запорожье, 1992.
- СДЯ 2000 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VI. М., 2000.

- СМА 1994 – В.С. Елистратов. Словарь московского аргю (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994.
- СРГК 1994 – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. Вып. 1.
- СРГСУ 1964 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964. Вып. 1.
- СРГЮК 1968 – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
- СРСГСЧО(д) 1975 – Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби (дополнение). Томск, 1975. Ч. 2.
- Срезневский 1893 – И.И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб. 1893. Т. I.
- СРН 1990 – Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990.
- СРНГ 1965–1987 – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; 1965. Вып. 1; Л., 1969. Вып. 4; Л., 1972. Вып. 9; Л., 1977. Вып. 12; Л., 1981. Вып. 17; Л., 1987. Вып. 23.
- СРЯ 1976 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
- Суперанская 1970 – А.В. Суперанская. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М., 1970.
- СПРЯ 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. III. СПб., 1847.
- Тупиков 1903 – Н.М. Тупиков. Словарь древне-русских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Устрялов 1858 – Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. II. СПб., 1858.
- Фонвизин 1959 – Д.И. Фонвизин. Собрание сочинений. М.; Л., 1959.
- Чернышев 1935 – В.И. Чернышев. Происхождение некоторых нарицательных имен собственных. Омельфа, Охреян, Охрюта, Пентюх // Язык и мышление. М.; Л., 1935.
- Щерба 1974 – Л.В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Элиасов 1980 – Л.Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. Л., 1980.
- ЭСРЯ 1964–1973 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М. Т. I, 1964; Т. II, 1967; Т. III, 1971; Т. IV, 1973.
- ЯОС 1982 – Ярославский областной словарь. Ярославль. 1982.